

М.С. Михалев

Этнонациональная политика КНР: эволюция базовых принципов

Аннотация: В статье анализируется эволюция базовых принципов этнонациональной политики КНР. Подчеркивается, что приход к власти Коммунистической партии Китая в 1949 г. был во многом обусловлен ее инклюзивной политикой по отношению к малочисленным народам страны, которая нашла свое отражение в Конституции 1954 г. В дальнейшем партия твердо придерживалась стратегии поощрения культурного разнообразия и уважения к потребностям национальных меньшинств страны. Со временем, основным принципом государственной политики и партийной работы в этом направлении стал принцип «единства в многообразии», который сформулировал видный китайский ученый Фэй Сяотун. Политика настоящей инклюзивности, основные положения которой нашли отражение в «Белой книге» по национальной политике, опубликованной в 2009 г., включала в себя не только признание и поощрение этнического разнообразия страны, но и декларировала действенную поддержку развития культуры малочисленных народов со стороны государства. После событий 2008–2009 гг., когда в Тибете и в Синьцзяне произошли столкновения на национальной почве, в обществе возник запрос на трансформацию основных принципов этнонациональной политики, что привело к интенсивной дискуссии по этому вопросу в научных и политических кругах Китая. Результатом обсуждения оказалось смещение акцентов с поддержки этнического разнообразия на «укрепление сознания единства китайской нации». В результате, в Устав Коммунистической партии Китая, а также в Конституцию страны были внесены соответствующие изменения, которые, однако, не были подкреплены новой теорией межнациональных отношений. В конце концов, на эту проблему был вынужден обратить внимание глава партии и государства, который в начале 2024 г. опубликовал статью, посвященную задачам и направлениям партийной работы в сфере межнациональных отношений. На основе анализа ее содержания делается вывод о том, что в настоящее время в КНР на смену принципу «единства в многообразии» окончательно приходит принцип слияния различных этнических групп страны в единую общегражданскую нацию.

Ключевые слова: этнонациональная политика, межнациональные отношения, «единство в многообразии», Фэй Сяотун, Си Цзиньпин, «китайская нация»

Автор: Михалев Максим Сергеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0001-5695-6915. E-mail: maxmikhalev@yahoo.com.

М·S·米哈廖夫

中华人民共和国的民族政策：基本原则的演变

摘要: 本文分析了中华人民共和国民族政策基本原则的演变，强调了 1949 年中国共产党的执政很大程度上得益于其对少数民族的包容性政策，这在 1954 年宪法中

得到体现。随后，党坚定不移地推行鼓励文化多样性的战略，尊重少数民族的需要。随着时间的推移，国家政策和党的工作的主要原则变成了中国著名学者费孝通提出的“多元一体”原则。真正的包容政策——其主要原则体现在 2009 年发表的中国民族政策白皮书中——不仅包括承认和鼓励国家的民族多样性，还宣布来自国家的、对少数民族文化发展的有效支持。

2008–2009 年西藏和新疆发生民族冲突事件后，社会上出现了转变民族政策基本原则的诉求，引起了中国学术界和政治界对此问题的激烈讨论。讨论的结果是重点从支持民族多样性转向“铸牢中华民族共同体意识”。由此，对《中国共产党章程》和《中华人民共和国宪法》进行了相应修改，但没有新的民族关系理论来支持。最终，党和国家最高领导人不得不注意这个问题，其在 2024 年初发表了一篇文章，专门阐述了党在民族关系领域的工作任务和方向。通过对其内容的分析可以得出结论，目前中华人民共和国的“多元一体”原则正在被全国各民族融合为统一国族的原则所最终取代。

关键词：民族政策；民族关系；“多元一体”；费孝通；习近平；“中华民族”。

作者：马克西姆·谢尔盖耶维奇·米哈廖夫，历史学科学博士，俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所主任研究员。E-mail: maxmikhalev@yahoo.com

Maxim S. Mikhalev

China's Ethnonational Policy: the Evolution of the Basic Principles

Abstract: This paper elaborates on the evolution of the basic principles of China's ethnonational policy. It highlights that the rise to power of the Communist Party of China partly resulted from its inclusive national policy reflected in the 1954 Constitution, and its constant support for the cultural diversity and respect for the needs of its minorities. Eventually, this state policy came to be guided by the “unity in diversity” maxim coined by China's outstanding social scientist Fei Xiaotong. The policy of real inclusivity formulated in the “White Book” on national policy published in 2009 not only recognized and encouraged the idea of ethnic diversity, but also gave detailed effective support for the culture of ethnic minorities.

After ethnic clashes of 2008–2009 in Tibet and Xinjiang, Chinese society urged for a reconsideration of these basic principles of ethnic policy. This led to a heated exchange of opinions among scholars and politicians on the issue and resulted in the shift from support of ethnic diversity to enforcing sense of “common identity of Chinese nation”. Consequently, the Constitution of the Communist Party and the Constitution of China were amended, but these amendments were not necessarily supplemented by the new theory of interethnic relations. Eventually, this situation draw attention of the leader of the country Xi Jinping. At the beginning of 2014, he wrote an article dedicated to the directions and tasks for the party's work in the field of interethnic relations. Based on the analysis of Xi's article, this paper shows that presently the idea of “unity in diversity” is being irreversibly replaced by the principle of merging the country's various ethnic groups into a single civic nation.

Keywords: ethnic policy, ethnic relations, unity in diversity, Fei Xiaotong, Xi Jinping, Chinese nation

Author: Mikhalev Maxim S., Doctor of Sciences (History), Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. E-mail: maxmikhalev@yahoo.com.

XX век: поиск единства в многообразии

Несмотря на то, что ханьцы в настоящее время составляют более 90% населения КНР, Китай не является и никогда не был моноэтническим государством, а в отдельные исторические периоды нынешние национальные меньшинства и вовсе занимали главенствующие позиции в управлении страной. Так было, к примеру, во времена династии Юань (1271–1368 гг.), когда власть была в руках у монголов, или во времена последней династии Цин (1644–1912 гг.), которая была маньчжурской. Синьхайская революция 1911 г., победа которой ознаменовала окончание монархии и заложила основу нового, республиканского Китая, была по своему характеру национально-освободительной. Речь шла не только и не столько о смене формы правления, сколько об избавлении от маньчжурского гнета, который большинство населения страны воспринимало именно как национальное угнетение.

Неудивительно, что национальный вопрос стал одним из важнейших и после победы революции, когда формулировались и формировались основы нового государственного устройства. По мысли Сунь Ятсена, Китай должен был стать республикой пяти наций – ханьцев, маньчжуров, мусульман-хуэй, монголов и тибетцев. Предложенная им доктрина «пятинационального Китая» нашла, в частности, свое отражение в дизайне государственного флага, который представлял собой сочетание пяти горизонтальных полос, соответствовавших вышеуказанным народам. События, последовавшие вслед за провозглашением республики, однако, привели к быстрому забвению идей Сунь Ятсена и искажению провозглашенных им принципов, и в Конституции 1934 г., к примеру, исчезло упоминание как о пяти народах Китая, так и о правах неханьских народов в целом. Наследник Сунь Ятсена Чан Кайши полагал, что национального вопроса вообще не существует, и малочисленные народы должны просто влиться в состав единой ханьской нации [Махмутходжаев, 1986, с. 42].

История, однако, вынесла собственный вердикт, и в конечном итоге к власти в Китае пришла Коммунистическая партия, чья победа в ходе затяжного гражданского противостояния стала возможной в том числе по причине ее особой позиции в национальном вопросе. Так, еще в 1928 г. в резолюции VI съезда КПК было обозначено право неханьских народов Китая на самоопределение, которое позднее, в 1931 г. было подтверждено I съездом Советов рабочих, крестьянских и солдатских представителей, принявшем «Резолюцию по вопросу о национальных меньшинствах в пределах Китая» [Грачева, 2022, с. 427–428]. Ярким напоминанием о взаимном доверии между КПК и малочисленными народами в тот период служит масштабное панно в Военном музее Китайской народной революции в Пекине, на котором лидер партии Мао Цзэдун изображен вместе с предводителем народа и, оказавшем коммунистам важную помощь во время Великого Похода.

В Конституции КНР, принятой в 1954 г., в гл. 1, ст. 3 было зафиксировано: «Все национальности равноправны. Запрещаются дискриминация и гнет в отношении любой национальности, запрещаются действия, направленные на подрыв сплоченности национальностей. Все национальности пользуются свободой использования и развития своего языка и письменности, свободой сохранения или изменения своих нравов

и обычаев» [Конституция..., 1954, с. 13–14]. Вслед за этим в стране была проведена масштабная работа по «инвентаризации» и классификации национальных меньшинств страны, по результатам которой была создана довольно логичная, продуманная и эффективная система национальных автономий. В общем и целом, она копировала аналогичную систему, существовавшую в СССР, однако отличалась большей гибкостью за счет сочетания различных уровней и степеней автономности, предоставляемой малочисленным народам страны, находящимся на разных уровнях развития своих собственных политических и социальных институтов. К примеру, монголам особый статус был предоставлен еще в 1947 г., когда был создан Автономный район Внутренняя Монголия, обладавший некоторыми признаками государственности. Довольно высокая степень автономии должна была быть предоставлена и Тибету. Председателем подготовительного комитета по созданию Тибетского автономного района, несмотря на то что Китай являлся подчеркнуто атеистическим государством, стал видный религиозный деятель, глава школы Гелуг Далай-лама XIV Тензин Гьяцо.

Именно события в Тибете, впрочем, привели к тому, что «маятник» базовых принципов этнонациональной политики впервые качнулся в противоположную сторону. Ситуация, сложившаяся там в 1959 г., когда в Лхасе произошли сильные волнения на национальной почве, а молодой руководитель региона бежал в Индию, подтолкнуло руководство КНР к пересмотру подходов к этнонациональной политике в сторону их ужесточения. Этому же, впрочем, способствовали и общие изменения политического климата в стране, где в 1966 г. началась Великая пролетарская культурная революция. В этот непростой период в истории страны безжалостная война была объявлена всему, что ассоциировалось с традицией и преемственностью поколений, в результате чего культуре и образу жизни малочисленных народов Китая был нанесен серьезный урон. Разрушались храмы, искоренялись обряды, трансформировались и подвергались обструкции социальные институты. Впрочем, говорить о том, что все это стало лишь следствием изменения отношения китайского государства к национальным меньшинствам страны, некорректно. Не меньший, если не больший урон был нанесен традиционной культуре и образу жизни самих ханьцев, в то время как самыми яростными борцами с «пережитками прошлого» у малочисленных народов часто оказывались их собственные, радикально настроенные представители.

После начала политики реформ и открытости руководство страны осудило национальную политику времен «культурной революции» [Грачева, 2022, с. 440] и вернулось к изначальным принципам инклюзивности, которые в свое время обеспечили КПК высокий уровень симпатий именно на национальных окраинах. Можно, однако, было отметить и различие в подходах, которое явилось следствием общей смены приоритетов, после чего основной задачей властей страны стало обеспечение роста экономических показателей. В результате, если раньше речь шла преимущественно о политическом равноправии всех народов Китая, каждый из которых, как провозглашалось, внес свой вклад в строительство общего для всех государства, равенство в новую эпоху приобрело подчеркнуто патерналистский характер, вызванный объективной разницей в уровне их экономического развития.

Принцип государственной политики, предполагавший существование временного экономического неравноправия между прибрежными и внутренними районами, был в результате экстраполирован и на этнонациональную политику. Так как равноправие в новую эпоху должно было быть прежде всего экономическим, титульный этнос страны, ханьцы, который находился на более высокой ступени развития, наделялся и более высоким статусом. При этом, однако, на ханьцев возлагалось обязательство «заботиться» об остальных народах, не достигших сравнимого с ними уровня благосостояния, но обязательно, как предполагалось на высшем уровне, к этому стремившихся. Экономическая помощь легко переходила в снисходительность, а забота принимала форму нравоучений и культуртрегерства, однако такая политика подразумевала действенную помощь со стороны государства и со стороны жителей экономически более развитых прибрежных районов в том, что касается обеспечения «развития» «отсталых» национальных окраин.

Базовым принципом китайской политики в отношении национальных меньшинств в этот период окончательно стала формула «единства в многообразии» (多元一体), которую сформулировал в ходе своего выступления в 1988 г. в Гонконге известнейший китайский этнолог и социолог Фэй Сяотун (费孝通) [Wei Xiaoshi, 2023, p. 28]. Патриарх китайской науки констатировал, что единая китайская нация (中华民族), которая в своем пределе вбирает в себя все малочисленные народы, проживающие на территории Китая, складывалась на протяжении многих столетий естественным путем – как результат взаимных контактов, взаимных влияний и смешения культур. При этом одной из важнейших особенностей этой объективно и независимо существующей (自在) общности является потребность друг в друге всех ее составных частей, каждая из которых в ходе межкультурного общения сохраняет, однако, свою специфику и взаимно дополняет другие части без ущерба для собственной уникальности [Фэй, 1999].

Важно подчеркнуть, что Фэй говорил не о создании такой общности, что подразумевало бы искусственность всей конструкции, а также ее идеологический и схоластический характер, а скорее о ее раскрытии, или, иначе, осмыслении и формулировке того, что уже создало себя само в ходе объективного исторического процесса. Процесс же концептуального формулирования и самоосознания китайской нации как единства народов он соотносил с влиянием западной науки и контактами Китая с зарубежными странами, в ходе которых у того и возникла потребность, а также появилась возможность осмыслить самого себя в терминах и категориях, доселе ему чуждых и незнакомых. К таковым как раз и относятся понятие народа и национальности, которые не существовали в древнем или средневековом Китае и пришли туда вместе с западной наукой, после чего были творчески переосмыслены и скорректированы с учетом особенностей философского и исторического опыта китайской цивилизации. В этом понимании единство в многообразии становилось настолько же исторически и культурно обусловленной, настолько же и научно состоятельной, внутренне непротиворечивой концепцией, которая в последние десятилетия XX века стала определять внутреннюю политику Китая в сфере межнациональных отношений, а не определяться ее же хитросплетениями и сиюминутными потребностями.

Первая декада XXI века: вершина и кризис гармонии

В 2009 г. Госсовет КНР опубликовал примечательный документ, «Белую книгу» этнонациональной политики Китая, которая была озаглавлена «Национальная политика Китая и общее процветание и развитие всех национальностей». Этот небольшой комpendиум можно с полным правом считать высшим достижением модели политики китайского государства в отношении национальных меньшинств, которая за полвека существования КНР была тщательно сформулирована, выверена до деталей, непротиворечива внутренне и при этом успешно претворялась на практике. В преамбуле провозглашалось, что Китай является единым многонациональным государством, совместно созданным всеми национальностями страны. При этом подчеркивалось: «На протяжении длительного исторического процесса все национальности Китая тесно общались, сосуществовали, осуществляли взаимодействие и обмен, разделяли печали и радости, сформировав многообразную архитектуру в единстве китайской нации, совместными усилиями развив нашу прекрасную Родину и придав импульс дальнейшему развитию страны и социальному прогрессу» [Национальная политика Китая..., 2009].

И по тексту преамбулы, и по названию первой главы «Единое многонациональное государство и многообразие в единстве китайской нации» можно сделать вывод о том, что базовым принципом в области регулирования межнациональных отношений оставалось на тот период «единство в многообразии». Особо подчеркивалось, что Китай представляет собой содружество равноправных народов, на протяжении тысячелетий строивших общее государство и вносящих в общее дело каждый свой сильный вклад¹. Говорилось и о том, что государство берет на себя обязательство бороться как против великоханьского национализма, так и против местного национализма для того, чтобы и в дальнейшем гарантировать взаимное уважение, взаимное доверие и взаимное сотрудничество всех без исключения национальностей на основе полного равенства.

Несмотря на сильный акцент на гражданской солидарности и чувстве политической сопричастности, в «Белой книге» постулировалось, что малочисленные народы страны могут и даже должны сохранять свои культурные особенности, в то время как государство призвано оказывать им в этом вопросе всестороннее содействие. Государственная политика, иными словами, не предусматривала, что Китай должен стать «плавильным котлом» народов наподобие, к примеру, американского. Более того: именно в сохранении множества традиционных культур и их действенном разнообразии авторам документа виделся залог его устойчивости, важнейшее геостратегическое преимущество Китая и источник долговечности его политической системы. Не случайно, что вопросу сохранения культур всех народов страны посвящена целая глава, в которой все практические аспекты и достижения в этой сфере расписаны об-

¹ «Необъятные пределы страны сложились в результате общих усилий всех национальностей, блистательная древняя китайская культура развита совместными силами всех национальностей, единое многонациональное государство создано сообща всеми национальностями» [Национальная политика Китая..., 2009].

стоятельно и подробно, а вопросам образования на языках малочисленных народов страны уделено повышенное внимание. При этом в главе о политическом равноправии также подчеркивалось, что каждая национальность имеет право на свободное применение и использование своего языка и письменности и на сохранение и добровольное изменение собственных нравов и обычаев. Более того: отдельно говорилось о том, что нарушение нравов и обычаев нацменьшинств преследуется по закону [Там же].

Не меньше внимания в тексте основного документа китайской этнонациональной политики уделено и вопросам экономического развития районов компактного проживания этнических меньшинств, а также их адаптации к условиям рыночной экономики в том случае, если они мигрируют за пределы своих традиционных ареалов проживания. Все это вполне в духе того времени, когда взгляд на экономику как на первопричину всех остальных явлений оставался преобладающим, а рост материального благосостояния считался ключом к построению гармоничного общества. К примеру, гл. 3 «Белой книги» целиком посвящена разъяснению мотивов и описанию достижений государства, направленных на выравнивание диспропорций в экономическом развитии между центральными районами странами, населенными по преимуществу ханьцами, и территориями компактного проживания национальных меньшинств. При этом, если судить по формулировкам текста «Белой книги», несмотря на то что государство принимает на себя обязательство инвестировать существенные материальные и финансовые ресурсы в развитие национальных окраин, а также предоставлять льготы представителям малочисленных народов страны, те в ответ не должны испытывать по этому поводу какую-то особенную признательность. Более того, в документе подразумевается, что ущерб, который принесет, к примеру, стратегия масштабного освоения Западного региона, должен быть компенсирован коренному населению, и оно не должно терять контроль над ходом самого процесса.

«汉族离不开少数民族, 少数民族离不开汉族, 各少数民族之间也相互离不开» («Ханьцы не обойдутся без национальных меньшинств, национальные меньшинства не обойдутся без ханьцев, все национальные меньшинства не обойдутся друг без друга»). Этот популярный лозунг, который наилучшим образом характеризует дух и букву базового документа в сфере национальной политики того времени, можно было повстречать не только на страницах печати, но и на стенах домов в самых отдаленных национальных районах страны.

Однако в том же самом 2009 г., когда увидела свет «Белая книга», в г. Урумчи, столице Синьцзян-Уйгурского автономного района, произошли серьезные волнения на национальной почве, повлекшие за собой многочисленные жертвы. Для китайского общества, которое к тому времени еще не успело оправиться от событий марта 2008 г. в Тибете, когда в преддверии Олимпийских игр в Пекине, в Лхасе и других районах с преимущественно тибетским населением произошли массовые беспорядки, это стало неприятным сюрпризом. Привыкнув к мысли о том, что их страна является общим домом для 56 народов, живущих между собой в мире и согласии, которые обеспечиваются в том числе и их собственным экономическим вкладом, жители центральных районов страны испытали в этой связи смесь разочарования и недоумения. Это, в свою очередь, запустило дискуссию о необходимости трансформации и кор-

ректировки базовых принципов этнонациональной политики страны. Можно сказать, что, достигнув своего расцвета, стратегия достижения межнациональной гармонии через действенное равноправие народов, неожиданно оказалась перед лицом самого серьезного кризиса за все время своего существования.

Политический климат того периода все еще оставлял пространство для дискуссий, включая и осторожную критику текущей политики партии, и сторонники более жесткой линии в отношении неханьских народов не замедлили воспользоваться этим для того, чтобы озвучить свое собственное видение реформ в этой сфере. Первым об этом заговорил профессор Пекинского университета Ма Жун (马戎), который уже давно предлагал отказаться от этничности как политической категории. В духе модного в то время мультикультурализма, он выступал за то, чтобы перестать фиксировать национальность в удостоверениях личности и таким образом лишиться ее отчетливого политического измерения. Интересно, что постоянно звучащая из его уст критика советской национальной политики, которую он считал опасной и вредной для КНР [Ma Rong, 2007], а также частые и, как правило, крайне поверхностные отсылки к западному опыту снискали ему определенную славу за рубежом. И это несмотря на то, что Ма Жун, по сути, выступал за сокращение прав этнических меньшинств и их фактическую ассимиляцию – т.е. именно за то, за что Запад вплоть до настоящего времени постоянно критикует власти Китайской Народной Республики. В то же самое время, известный социальный антрополог из Центрального университета национальностей, Чжан Хайян (张海洋), вступивший с Ма Жуном в острую полемику [Zhang Haiyang, 2011, pp. 17–19] и при этом всегда яростно отстаивавший права малочисленных народов, удостоился от западных исследователей ярлыка проправительственного агитатора [Elliot, 2015, p. 190].

Научная дискуссия вышла на принципиально иной уровень после того, как в 2011 г. была опубликована полемическая статья за авторством так называемых «двух Ху»: Ху Аньгана (胡鞍钢) и Ху Лянхэ (胡联合), которые предложили поразмышлять над необходимостью формулирования «национальной политики второго поколения» (第二代民族政策). «Два Ху» утверждали при этом, что продолжение копирования этнонациональной политики СССР представляет опасность для современного Китая. С одной стороны, ученые усомнились в необходимости поддерживать развитие языков и культур малочисленных народов страны. С другой, – позволили себе критиковать и институт национально-территориальных автономий, который всегда был одним из столпов китайской внутренней политики. С их же точки зрения, он представляет собой угрозу для единства страны, так как обеспечивает концептуальные и организационные рамки для появления и роста сепаратистских движений [Тарангул, 2023]. Не меньший скептицизм у экспертов из университета Цинхуа вызвало и господствующее в то время предположение о том, что экономическое развитие национальных окраин за счет центральных районов способствует укреплению гармонии в межнациональных отношениях [Hu Angang, Hu Lianghe, 2011, p. 8]. Сами они предположили, что будущее национального вопроса заключается в так называемых «трех взаимодействиях» (三交) – взаимных контактах (交往), взаимном обмене (交流) и, наконец, взаимном переплетении (交融), итогом чего станет слияние всех народов

в единую китайскую нацию, под которой авторы, однако, подразумевали ханьцев [Eliot, 2015, p. 194].

Публикация данной статьи вызвала жаркую дискуссию в экспертной среде, при этом мнения ученых по поводу необходимости создания и возможных контуров «этнонациональной политики второго поколения» разделились. Некоторые эксперты, такие как еще один представитель Центрального университета национальностей Сюн Куньсинь (熊坤新), остались критичными к идее пересмотра политики, которая на протяжении шести десятилетий до этого доказывала свою эффективность, и даже усматривали в попытке пересмотреть статус-кво угрозу стабильности межнациональных отношений в Китае [Xiong Kunxin, 2012]. Позиция «двух Ху», однако, неожиданно нашла поддержку в Отделе Единого фронта ЦК КПК, которую озвучил заместитель заведующего отдела Чжу Вэйцунь (朱维群), не исключивший возможности отказа и от указания национальности в удостоверениях личности, и от создания новых национальных автономий, а также призвавший к усилению пропаганды смешанных школ, общенационального языка и письменности [Zhu Weiqun, 2012]. Прозвучавший из уст чиновника столь высокого ранга призыв к пересмотру базовых положений этнонациональной политики был воспринят как исключительное событие, однако оказалось, что он был предвестником действительно серьезных перемен.

«Плавильный котел» Председателя Си

В 2013 г. пост Председателя КНР занял Си Цзиньпин, который сразу же взял курс на укрепление внутренней сплоченности китайского общества и на поддержание внутривнутриполитической стабильности. Он смело порвал со многими принципами во внутренней и внешней политике страны, которые до его прихода к власти казались незыблемыми, и в этом смысле корректировка базовых положений этнонациональной политики, которая к тому времени действительно назрела, вряд ли могла кого-то понастоящему удивить. Четко и ясно осознавая угрозы, которые в тот момент стояли перед китайским государством, Председатель Си всегда высказывался предельно жестко о необходимости противостоять сепаратизму и межэтнической розни. Когда же в 2014 г. в его речи, произнесенной на рабочем совещании в Синьцзяне, был процитирован тезис «двух Ху» о необходимости следовать принципу «трех взаимодействий» [Xi Jinping, 2014], стало понятно, что кардинальное изменение принципов этнонациональной политики в том направлении, о котором они говорили, неизбежно и произойдет в самое ближайшее время.

В 2017 г. Устав КПК действительно обогатился новой формулировкой, в соответствии с которой основным направлением работы партийных органов в сфере межнациональных отношений стало «укрепление сознания общности китайской нации» (铸牢中华民族共同体意识) [Zhongguo..., 2017]. Спустя год понятие «китайской нации» было внесено и в новую редакцию Конституции страны. При сохранении видимой преемственности с принципами этнонациональной политики своих предшественников, по крайней мере в том, что касается системы национально-территориальных автономий, смещение акцентов с гарантий сосуществования разных народов на их ин-

теграцию в рамках одной нации, которые предлагал Си Цзиньпин, выглядело разительным.

Несмотря на появление множества официальных разъяснений [Hao Shiyuan, 2021], попытки китайских экспертов концептуально осмыслить этот замысел Председателя КНР системностью поначалу не отличались. В основном, комментаторы ограничивались восторженным пересказом многочисленных выступлений главы государства, при этом детализации или конкретизации того, что, как и почему предлагается изменить в работе партийных и государственных органов в области национальной работы, не предлагалось. В какой-то степени, это явилось следствием того, что к этому времени сильно понизился статус, а также изменилась роль самого экспертного сообщества. В прошлом можно было утверждать, что политические деятели прислушивались к мнению ученых-обществоведов, хотя и принимали окончательные решения исходя из собственных представлений о целесообразности тех или иных шагов. К началу 20-х годов XXI в., однако, их роль была сведена к трансляции директив, рождавшихся где-то в недрах властных структур и спускавшихся затем сверху в ранге истины для комментирования.

Вялотекущее обсуждение, балансирующее на грани циклического цитирования и трансляции политических лозунгов, неожиданно интенсифицировалась лишь в недавнее время. В 2023 г., в результате, резко возросло количество публикаций, где все еще довольно размытое пожелание руководства страны «укреплять чувство национального единства», включенное в Устав КПК уже шесть лет назад, вновь стало одним из популярных ключевых слов². Впрочем, и сейчас вряд ли стоит говорить о научной дискуссии в общепринятом смысле этого слова, ведь сами китайские ученые ограничивают свой вклад «изучением важных мыслей Председателя Си и укреплением лидерства партии в национальном вопросе» [Chang Jingjie, 2023]. Скорее, всплеск интереса к данной теме можно считать попыткой обосновать постфактум уже намеченное смещение акцентов в этнонациональной политике КНР [Chen Kun, Tang Jiaoyuan, 2023, pp. 33–40]. В этой связи обращает на себя внимание то, что акцент делается не на необходимости подлинно научного формулирования новых принципов национальной политики, а на необходимости «всемерной пропаганды идей главы государства», в особенности через систему образования и просвещения. Именно она, по мысли китайских экспертов, должна взять на себя груз донесения сути планируемых перемен до широких масс населения, в особенности на национальных окраинах [Tian Ling, Wang Hao, 2023]. Интересно, что акцент и здесь делается не на подготовке соответствующих методических материалов, а на создании в среде слушателей «эмоционального чувства идентичности».

Нисколько не смущаясь тем фактом, что новые идеи пока еще не сформулированы, а необходимость реформ толком не обоснована, еще одним вопросом, озаботивших китайских авторов в последнее время, становится внесение изменений в законодательство страны, включая Уголовный кодекс [Chang An, 2022]. «Осознание великого возрождения китайской нации вместе с потенциальными угрозами фундаменталь-

---

² В то время как еще в 2021 г., по данным общенационального портала научной информации Китая CNKI, таких статей было опубликовано лишь 111, в 2023 г. их число достигло 452.

ным интересам китайской нации должно быть включено в нормы уголовного права. Положения ст. 90 Уголовного кодекса должны быть изменены и улучшены в целях дальнейшего укрепления правовых гарантий формирования сильного чувства общности китайской нации», утверждалось в этой связи на страницах печати [Tian Ling, Wang Hao, 2023]. Можно заметить, что, если в прошлом наказание со стороны государства грозило тем, кто «посягает на сохранность культуры, нравов и обычаев малочисленных народов страны» [Национальная политика Китая..., 2009], в центре нынешней дискуссии оказывается исключительно ответственность за подрыв чувства единства китайской нации.

Дискуссия, развернувшаяся на страницах печати, настолько долго не могла принести никаких теоретических плодов, что в конце 2023 г., выступая на 9-й коллективной учебе членов Политбюро ЦК КПК в Пекине, Председатель Си самостоятельно высказался о том, как должны выглядеть базовые положения новой этнонациональной политики Китая [На 9-й коллективной учебе..., 2023]. Чуть позже, в январе 2024 г., его мысли по этому вопросу были опубликованы уже в виде программной статьи. Она вышла в официальном издании ЦК КПК журнале «Цюши», а ее текст был затем размещен на многих государственных информационных ресурсах [Xi Jinping, 2024].

В самом начале своей статьи Председатель КНР сразу же заявляет о том, что основным направлением этнонациональной работы партии в новую эпоху должно стать «укрепление чувства единства китайской нации». Он подчеркивает, что во главу угла должны быть поставлены «формирование большой семьи китайской нации, укрепление чувства национальной общности, формирование сильного чувства сопричастности и продвижение идеи строительства „сообщества китайской нации“». Заявляется, что партийным работникам следует стремиться к тому, чтобы представители всех этнических групп Китая «твердо усвоили» идею: в рамках китайской нации радость и горе, честь и позор, жизнь и смерть у них могут быть только общими. Очевидно, что при такой постановке вопроса места для существования различных культур практически не остается, а на смену множественной идентичности приходит осознание принадлежности исключительно к «китайской нации» (中华民族). Подтверждением смещения акцента служит то, что нигде в тексте документа больше не содержится отсылок к необходимости сохранения национальных культур или языков.

Интересно при этом, что Председателем Си за основу берется полностью идеологический конструкт «принадлежности», который не просто является продуктом воображения и рефлексии, но и, как правило, легко конструируется и поддается манипулированию им. Такая постановка вопроса означает отход от присущей китайской науке об обществе картины мира, в рамках которой такие сугубо иллюзорные понятия, как «принадлежность», находились в подчиненном положении к фактам объективной реальности. Впечатление ухода в конструктивизм усиливают и те задачи, которые ставит перед обществом и наукой Председатель Си. Подчеркивается, к примеру, что для того, чтобы укрепить сознание сообщества китайской нации, необходимо заново построить полностью научную теорию этой социальной общности. Тут же поясняется, что необходимо «научно раскрыть принципы и философию формирования и развития китайской нации».

С одной стороны, эти тезисы говорят о том, что сама идея китайской нации, продвижение которой должно отныне стать основной задачей этнонациональной политики и заместить собою идею гармоничного сосуществования множества народов в рамках единого, но все-таки полиэтничного Китая, пока существует лишь в виде гипотезы и пожелания со стороны лидера государства. С другой, сильный акцент на создание искусственных конструкторов говорит о том, что у лидера страны все же присутствует понимание того, что в конечном итоге концепция китайской нации будет представлять собой не закономерный итог очередного этапа исторического развития, а сугубо теоретическое построение. Построение это будет при этом призвано содействовать выполнению основной задачи, которую он ставит перед страной, – задачи строительства сверхстабильного государства.

При этом то особое внимание, которого удостоилась этнонациональная политика, говорит том, что в высших эшелонах власти КНР все-таки присутствует осознание того, что этничность, предоставленная сама себе, таит в себе угрозу самому существованию такого государства. Однако четкого представления о том, каким образом можно взять ее под свой контроль, у политиков до сих пор не сложилось. Признание теоретической несостоятельности китайской науки в этом вопросе можно заметить в отсылке к «тлетворному» влиянию западной идеологии. Председатель Си настаивает в этой связи на том, что необходимо «покончить с проблемами, существующими в этнологических исследованиях Китая, до сих пор находящимися под влиянием западных теорий и дискурсивных систем». Он призывает ускорить формирование собственной теоретической и дискурсивной системы, грамотно призванной обосновать существование единства китайской нации.

Таким образом, глава государства признает, что теории единства китайской нации не существует, и ее только предстоит заново сформулировать. Но несмотря на это, во второй части документа, который содержит предложения по совершенствованию этнонациональной политики, он уделяет значительное внимание тому, как эту самую теорию следует уже сейчас нести в самые широкие массы. Предлагается, в частности, заняться просвещением, разъясняя теорию, направления и принципы партийной работы представителям всех этнических групп страны, одновременно усилив пропаганду официальной истории КПК, истории нового Китая, истории политики реформ и открытости, истории социалистического пути развития и истории формирования и развития китайской нации. «Рассказывайте об истории китайского народа и активно продвигайте сознание единства китайской нации», призывает товарищ Си Цзиньпин партийных работников. Необходимо обновить методы этнической пропаганды, обогатить ее содержание и расширить каналы коммуникации, обращает он внимание на технологические аспекты идеологической работы, при этом оставляя за скобками то, что содержание данных коммуникаций пока еще не продумано, а теория единства китайской нации до сих пор не сформулирована.

Анализируя основные положения, содержащихся в программной статье Председателя Си, можно сделать вывод о том, что новый подход в китайской этнонациональной политике даже спустя семь лет после внесения соответствующих изменений в Устав КПК до сих пор носит чисто декларативный характер. Новая концепция пар-

тийной работы не может похвастать ни логичностью, ни продуманностью в той степени, которая отличала господствовавший до нее принцип «единства в многообразии». В недавних пожеланиях Си Цзиньпина можно лишь попытаться обнаружить ключ к пониманию того, что, возможно, будет лежать в основе новой парадигмы этнонациональной политики КНР. Как представляется, ключевым словом здесь станет «интеграция» (一体化), под которой будет пониматься инкорпорирование малочисленных народов в состав значительно превосходящей их по размеру и влиянию социальной общности, которой станет «китайская нация», о чем в ходе текущей дискуссии говорили многие авторы [Chen Kun, Tang Jiaoyuan, 2023]. Сакраментальные же «три взаимодействия», которые снова занимают важное место в программной статье Председателя Си, станут в этом случае основным способом укрепления сознания принадлежности к этой новой социальной общности.

Выводы

В существующих общественных реалиях призыв лидера КНР создать принципиально новую теорию национальной политики невозможно проигнорировать, потому не вызывает сомнения, что китайские обществоведы обеспечат, в конечном счете, партийные органы страны, занимающиеся идеологической работой, всеми необходимыми теориями, фактами и дискурсивными системами. Можно предположить при этом, что в русле политической традиции КНР эта работа, скорее всего, будет представлять собой комментарии к идеям, сформулированным лидером страны. Судя по наличию редакторского комментария к его программной статье, работа в этом направлении уже стартовала.

Вопрос лишь в том, насколько долговременными окажутся новые веяния, и что именно они смогут принести Китаю. Вся история китайской этнополитической мысли последних ста лет представляет собой попытку найти компромисс между необходимостью укреплять политическое единство страны и опасениями по поводу утраты ее культурного и этнического разнообразия. Иногда решение этого вопроса искали и находили в ходе научных дискуссий, как это было в первой половине XX в., когда профессора Фу Сынянь и У Вэньцао отстаивали свои позиции на страницах периодических изданий [Zhou Weijun, Zhang Jinpeng, 2007], или после трагических событий 2008–2009 гг., когда в споре о будущем сошлись «два Ху» из университета Цинхуа и ученые из Центрального университета национальностей. В упомянутых выше примерах противоположные точки зрения высказывались синхронно и сталкивались напрямую, однако иногда процесс обмена мнениями оказывался диахронным. В этом случае в дискурсивном поле страны создавалась видимость полного триумфа какой-либо одной из сторон, однако ее победа неизменно оказывалась пирровой, ведь вслед за кратковременным торжеством неизбежно наступал период разочарования, который заставлял маятник политических решений начинать движение в прямо противоположную сторону.

Казалось, что в конце 1990-х годов была, наконец, найдена золотая середина, и принцип «единства в многообразии», который предложил Фэй Сяотун, преодолел

главное противоречие китайской этнонациональной политики. Однако события последующего десятилетия, когда излишний акцент Председателя КНР Ху Цзиньтао на поддержке малочисленных народов в ущерб ханьскому большинству привел лишь к всплеску межэтнических противоречий, показали, что окончательная гармония в национальном вопросе навряд ли достижима в принципе. Судить о том, насколько успешным окажется последовавший вслед за этим крен в сторону единства в противовес разнообразию, представляется преждевременным. Однако вывод о том, что очередной пересмотр базовых подходов, который переживает в настоящее время китайская этнонациональная политика, достиг точки, после которой отказ от принципа «единства в многообразии» можно считать свершившимся явлением, можно сделать уже сейчас.

С одной стороны, можно согласиться с мнением китайских экспертов, что такое «формирование чувства общности китайской нации является продуктом единства в многообразии, и может рассматриваться как продвинутая фаза этнического единства» [Chen Kun, Tang Jiaoyuan, 2023]. Однако представляется, что говорить о полной линейности развития в эволюционистском ключе в данном случае не совсем корректно. Скорее, можно предположить, что нынешний, гипертрофированный акцент на всеобъемлющем «чувстве единения» вскоре приведет к появлению энергичного запроса на разнообразие, которое нынешними китайскими властями рассматривается как угроза, а не как источник силы для полиэтничного государства. Не имея возможности отстаивать это разнообразие в легальном поле и в рамках полноценной научной дискуссии, силы, кровно заинтересованные в его сохранении, могут при этом занять деструктивную позицию. И в этом смысле нынешние настоячивые призывы к сплочению, не уравновешенные призывами к многообразию, могут иметь крайне негативные последствия для внутрисполитической устойчивости страны.

Похоже, что в КНР, где в последние годы часто говорят о том, что необходимо тщательно изучать опыт Советского Союза для того, чтобы избежать допущенных нашей страной ошибок [Галенович, 2010], близки к тому, чтобы повторить одну из самых серьезных этих ошибок. Не отказываясь от национально-территориальных автономий, обеспечивающих институциональные рамки для политического обособления народов, здесь одновременно призывают к формированию чувства принадлежности к некоей пока несуществующей, абстрактной исторической, социальной и культурной общности, в которой, однако, все они должны вскоре раствориться. Подобное взрывоопасное сочетание сохраняемых политико-административных рамок для институализации сепаратизма и фактического запрета на культурную непохожесть может привести к тем же последствиям, что и выдвижение в позднем СССР умозрительной концепции «советского народа» – «новой исторической общности», якобы сложившейся в результате сближения на основе общей территории, экономики, культуры, марксистско-ленинской идеологии и цели – строительства коммунизма.

Библиографический список

Галенович Ю.М. Взгляд на Россию из Китая: прошлое и настоящее России и наших отношений с Китаем в трактовке китайских ученых. М.: Время, 2010. 302 с.

Грачева Ю.А. Органы государственной власти национальных автономий // Современное китайское государство / Гл. ред. А.В. Виноградов. М.: РАН, 2022. С. 415–511.

Конституция Китайской Народной Республики 1954 г. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1954. 23 с.

Махмутходжаев М.Х. Национальная политика гоминьдана (1927–1937). М.: Наука, 1986. 127 с.

На 9-й коллективной учебе членов Политбюро ЦК КПК Си Цзиньпин подчеркнул необходимость консолидации сознания общности китайской нации // Международное радио Китая. 2023. 30 ноября. URL: <https://russian.cri.cn/2023/10/30/ARTIZkVx6elCkCxZs5zWxBd1231030.shtml> (дата обращения 12.04.2024).

Национальная политика Китая и общее процветание и развитие всех национальностей // Китайский информационный интернет-центр. 2009. 14 декабря. URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2009-12/14/content_19062289.htm (дата обращения 12.04.2024).

Тарантул Р.В. Монгольский национальный фактор в КНР и китайско-монгольских отношениях // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 1. С. 36–52. DOI: 10.31857/S013128120024367-4.

References

Galenovich, Yu.M. (2010). Vzglyad na Rossiyu iz Kitaya: proshloe i nastoyashchee Rossii i nashikh otshosenii s Kitaem v traktovke kitaiskikh uchenykh [A Look from China on Russia: Chinese Scientists Interpret the Past and the Future of Our Relations with China]. Moscow: Vremya. 302 p. (In Russian).

Gracheva, Yu.A. (2022) Organy gosudarstvennoy vlasti natsional'nykh avtonomii [National Autonomies Bodies of Power]. Sovremennoe kitaiskoe gosudarstvo [Modern Chinese State]. Ed. by A.V. Vinogradov. Moscow: RAN. Pp. 415–511. (In Russian).

Konstitutsiya Kitaya (1954). [Constitution of the People's Republic of China]. Beijing: Foreign Language Press. 23 p. (In Russian).

Makhmutkhodzhaev, M.Kh. (1986). Natsional'naya politika gomin'dana (1927–1937) [Guomindang National Policy (1927–1937)]. Moscow: Nauka. 128 p. (In Russian).

Na 9-i kollektivnoi uchebe chlenov Politbyuro TsK KPK Si Tszin'pin podcherknul neobkhodimost' konsolidatsii soznaniya obshchnosti kitaiskoi natsii (2023). [At the 9th Collective Training of Members of the Politburo of the CPC Central Committee Xi Jinping Emphasized the Need to Consolidate the Consciousness of the Community of the Chinese Nation]. China Radio International. URL: <https://russian.cri.cn/2023/10/30/ARTIZkVx6elCkCxZs5zWxBd1231030.shtml> (accessed 12.04.2024) (In Russian).

Natsional'naya politika Kitaya i obshchee protsvetanie i razvitie vseh natsional'nostei (2009). [China's National Policy and Common Prosperity and Development of All Nationalities]. China Internet Information Center. URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2009-12/14/content_19062289.htm (accessed 12.04.2024) (In Russian).

Tarantul, R.V. (2023). Mongol'skii natsional'nyi faktor v KNR i kitaisko-mongol'skikh otshoseniyakh [Mongol National Factor in PRC and China-Mongolia Relations]. Problemy Dalnego Vostoka. No. 1. Pp. 36–52. (In Russian).

* * *

Chang, An 常安 (2022). Yifa zhili minzu shiwu zhulao zhonghua minzu gongtongti yishi de fazhi baozhang 依法治理民族事务铸牢中华民族共同体意识的法治保障 [Managing Ethnic Affairs in Accordance with the Rule of Law to Consolidate the Rule of Law for the Community of the Chinese Nation].

dance with the Law to Forge a Strong Sense of Community among Chinese People]. *Zhonghua minzu gongtongti yanjiu* 中华民族共同体研究 [Research on Chinese National Community] 15. Pp. 4–168. (In Chinese).

Chen, Kun; Tang, Jiajun 陈坤, 唐加军 (2023). “He” yu “he”: lun minzu tuanjie yu zhulao zhonghua minzu gongtongti yishi de luoji guanxi “和”与“合”: 论民族团结与铸牢中华民族共同体意识的逻辑关系 [Harmony and Unity: On the Logical Relationship between National Unity and Forging of Strong Sense of Community among Chinese People]. *Minzu xuekan* 民族学刊 [Ethnology Bulletin]. 14(3). Pp. 33–40. (In Chinese).

Elliott, Mark (2015). The Case of the Missing Indigene: Debate over a “Second-Generation” Ethnic Policy. *The China Journal*. No. 73. Pp. 186–213.

Fei, Xiaotong 费孝通 (1999). *Zhonghua minzu duoyuanyiti geju* 中华民族多元一体格局 [Diversity and Unity of the Chinese Nation]. Beijing: Zhongyang minzu daxue. 372 p. (In Chinese).

Hao, Shiyuan 郝时远 (2021). 铸牢中华民族共同体意识 (大家手笔) Zhulao zhonghua minzu gongtongti yishi (dajia shoubi) [Forging a Strong Sense of Community among the Chinese People (Great Idea)]. *People’s Daily*. 19th May. URL: <http://theory.people.com.cn/GB/n1/2021/0519/c40531-32107087.html> (accessed 12.04.2024) (In Chinese).

Hu, Anzang; Hu, Lianhe 胡鞍钢; 胡联合 (2011). Di erdai minzu zhengce: cuijin minzu iiaorong viti he fanrong yiti 第二代民族政策: 促进民族交融一体和繁荣一体 [Second-Generation Ethnic Policy: Promoting the Integration and Prosperity of All Ethnic Groups]. *Xinjiang Normal University Bulletin (Philosophy and Sociology)*. 32(5). Pp. 1–13. (In Chinese).

Ma, Rong (2007). A New Perspective in Guiding Ethnic Relations in the 21st Century: “De-Politicization” of Ethnicity in China. *Asian Ethnicity*. 8(3). Pp. 199–217.

Tian, Ling; Wang, Hao 田琳; 王浩 (2023). Minzu xuexiao zhulao zhonghua minzu gongtongti yishi jiaoyu yitihua: neihan, kunjing ji jianshe lujing 民族学校铸牢中华民族共同体意识教育一体化: 内涵、困境及建设路径 [Integration of Education for Forging a Strong Sense of Community among the Chinese People in Ethnic Schools: Connotation, Dilemmas and Construction Paths]. *Minzu jiaoyu yanjiu* 民族教育研究 [Ethnic Education Research]. 34(1). Pp. 21–26. (In Chinese).

Tuan, Fanping 田钊平 (2023). Zhulao zhonghua minzu gongtongti yishi de guifan jichu ji qi goujian lujing 铸牢中华民族共同体意识的规范基础及其构建路径 [The Normative Basis for Forging the Community Consciousness of Chinese Nation and the Path of Its Construction]. *Ethnology Bulletin* 1, p. 13–22. (In Chinese).

Wei, Xiaoshi (2023). Pluralistic Unity: The Social Life of Duoyuan Yiti in China. *Inner Asia*. No. 25. Pp. 23–38.

Xi, Jinping 习近平 (2014). Kuoda xinjiang shaoshu minzu dao neidi juzhu guimo 扩大新疆少数民族到内地居住规模 [Expanding the Scale of Migration of Ethnic Minorities from Xinjiang to Inner Districts]. *Xinhua wang* 新华网. URL: http://www.xinhuanet.com//politics/2014-05/29/c_1110926294.htm (accessed: 12.04.2024) (In Chinese).

Xi, Jinping 习近平 (2024). Zhulao zhonghua minzu gongtongti yishi tuijin xin shidai dang de minzu gongzuo gaozhiliang fazhan 铸牢中华民族共同体意识 推进 新时代党的民族工作高质量发展 [Forging a Strong Sense of Community for the Chinese Nation and Promoting High-Quality Development in the Party’s Ethnic Work in the New Era]. The State Council of the PRC. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202401/content_6929283.htm (accessed: 12.04.2024) (In Chinese).

Xiong, Kunxin 熊坤新 (2012). Jiejue minzu wenti jibude 解决民族问题急不得 [There is No Need to Rush to Solve Ethnic Problems]. *Huanqiu Shibao* 环球时报 [Global Times]. 18.02. (In Chinese).

Zhang, Haiyang 张海洋 (2011). Hanyu “minzu” de yujing zhongxing yu pigemaliweng xiaoying – Ma Rong jiaoshou “21 shiji de zhongguo shi fou cunzai guojia fenlie de fengxian?” shuping 汉语“民族”的语境中性与皮格马利翁效应——马戎教授“21 世纪的中国是否存在国家分裂的风险”述评 [The Discursive Neutrality of the Word Minzu in Chinese and the Pygmalion Effect: An Analysis of Professor Ma Rong’s “Does There Exist the Risk of National the Risk of National Break-up in 21st-Century China?"]. *Sixiang zhanxian* 思想战线 [Ideological Front]. 37(4). Pp. 17–19. (In Chinese).

Zhang, Jingze 张京泽 (2023). Guanyu zhulao zhonghua minzu gongtongti yishi de ji dian renshi 关于铸牢中华民族共同体意识的几点认识 [A Few Points on Forging a Strong Sense of Community among Chinese People]. *Journal of Central University for Nationalities (Philosophy and Social Science Edition)*. Vol. 50(5). Pp. 5–11. (In Chinese).

Zhongguo gongchandang zhangcheng 中国共产党章程 [Constitution of the Communist Party of China] (2017). Xinhua. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/19cpcnc/2017-10/28/c_1121870794.htm (accessed 12.04.2024). (In Chinese).

Zhou, Wenjiu; Zhang, Jinpeng 周文玖, 张锦鹏 (2007). Guanyu ‘zhonghua minzu shi yige’ xueshu lunbian de kaocha 关于‘中华民族是一个’学术论辩的考察 [Investigation on the Academic Debate of ‘the Chinese Nation is a United Whole’ Concept]. *Ethnology Research*. 2. Pp. 52–61. (In Chinese).

Zhu, Weiqun 朱维群 (2012). Dui dangqian minzu lingyu wenti de jidian sikao 对当前民族领域问题的几点思考 [A Few Thoughts on Current Problems in the Ethnic Area]. *Xuexi shibao 学习时报 [Study Times]*. URL: <https://www.hsw.org.cn/wzzx/llyd/aq/2014-03-14/25270.html> (accessed: 12.04.2024) (In Chinese).

Поступила в редакцию: 12.04.2024. Received: 12 April 2024.

Принята к публикации: 21.05.2024. Accepted: 21 May 2024.